

А. Мефодиев
Карма

Алексей Мефодиев
Карма (сборник)

«Летний сад»

2008

ББК 84(2Рос=Рус)6

Мефодиев А.

Карма (сборник) / А. Мефодиев — «Летний сад», 2008

ISBN 978-5-98856-042-5

Художественные произведения повествуют читателю о красочных перипетиях судеб героев нашего времени. Образы, взятые из реальной жизни, вызывают острый интерес. Непредсказуемые сюжеты, затрагивающие социальные и нравственные аспекты, интригуют, позволяют взглянуть на обыденность с самой неожиданной стороны, давая читателю богатую пищу для размышлений. В чем кроются причины поступков героев захватывающих рассказов? Какие ловушки готовит им судьба? Чем обернутся для них обстоятельства, уготованные жизнью? Ответы на эти вопросы читатель найдет, перелистывая страницу за страницей книг, представленных на сайте. Легкий слог и образный язык произведений позволяет «на одном дыхании» перечитывать рассказы Мефодиева.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-98856-042-5

© Мефодиев А., 2008
© Летний сад, 2008

Содержание

Две тысячи долларов	6
Александр Воронцов	10
Целеустремленность	13
Хорошие знакомые	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Алексей Мефодиев

Карма

© А. Мефодиев, 2008

© «Летний сад», оригинал-макет, оформление, 2008

Две тысячи долларов

Валерий откинулся на подушку, и взгляд его устремился в потолок. Потом он рассеянно посмотрел по сторонам и пробормотал: «Черт, куда же я подевал сигареты?»

– А ты у себя в карманах смотрел? – спросила Лена.

Валерий повернул к ней голову. Лена приподнялась на одной руке и смотрела на Валерия. Простыня слегка прикрывала ее бедра. Светлые волосы свободно ниспадали на плечи. Зеленые глаза испускали теплый свет.

– Ты прекрасна, – сказал Валерий и потянулся к своим брюкам и пиджаку, которые валялись у кровати. Пошарив в карманах, он нашел пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и закурил. Снова лег на спину, одну руку положил под голову, другой время от времени подносил к губам сигарету. Он старался выпускать струйку дыма строго горизонтально. Потом начал выпускать кольца дыма.

– О чем ты думаешь? – спросила Лена.

– Так, ни о чем, – покривил душой Валерий, продолжая глядеть в потолок.

– Как тебе нравится моя новая квартира? – спросила Лена.

– Совсем не плохо, три комнаты, на Цветном бульваре, в самом центре Москвы. Сколько ты платишь за аренду?

– Давай не будем о деньгах.

– А как твой муж отреагировал на твой уход?

– Ничего особенного.

– То есть, как это – ничего особенного, он же так изводил тебя? Ты говорила, что он мог тебя приревновать даже к фонарному столбу?

– Ну уж на фонарный столб ты совсем не похожа.

Валерий подозрительно посмотрел на нее и повторил вопрос:

– А все-таки, как он отреагировал на твой уход?

– Послушай, давай не будем о нем говорить. В конце концов, он отец моих детей.

Лене еще не было тридцати, а она уже была матерью двух чудных малюток. Одному был год, другому – два. Сейчас они спали в соседней комнате.

– Хорошо, давай не будем. Скажи, ты работаешь там же? – спросил Валерий.

– Да, а что? Хочешь предложить мне работу поинтереснее?

Валерий затушил сигарету в пепельнице и подумал: «Ее зарплаты и на однокомнатную квартиру на Цветном не хватит».

Он помолчал и спросил:

– Значит, тебе Сергей квартиру оплачивает? Но у него ведь с деньгами всегда неважно было. Он что, работу поменял?

– Ничего он не поменял. Так же и прозябает, как раньше. Почему он тебе покоя не дает? Я ушла от него, и все. Это теперь в прошлом. Понимаешь? Лучше иди ко мне.

Валерий познакомился с Леной полгода назад. У них был бурный роман, хотя встречаться им удавалось не чаще, чем раз в неделю. Когда они встречались, то сразу же забирались в кровать, где проводили три-четыре часа, и им всегда этого было мало. Лене постоянно нужно было идти домой, а когда они оставались наедине, их отвлекали бесконечные телефонные звонки ее мужа и няни. И вот теперь, когда все ограничения отпали, Валерий с удивлением ощущал, что жгучее желание, так мучившее его последнее время, неожиданно изрядно поостыло. Не то чтобы Лена больше не интересовала его. Нет. Конечно, она по-прежнему была очень привлекательна. Но раньше Валерий видел в ней нечто особенное, отличавшее ее от других женщин. А теперь в его глазах она превратилась в просто красивую молодую особу.

Минут через десять Валерий откинулся на подушку, закурил и, выпуская тонкую струйку дыма в потолок, опять начал думать: «Как она так быстро смогла уйти от мужа? Ведь еще неделю назад об этом не было и речи. То есть, конечно, она всегда жаловалась на его ревность, на безденежье, но конкретного разговора о разводе никогда не было. И вдруг на тебе, она от него ушла! И при этом умудрилась переехать в трехкомнатную квартиру в центре Москвы. За несколько дней такое невозможно сделать. Значит, она давно к этому готовилась! Но какова, однако? Не побоялась уйти от мужа с двумя детьми на руках! И все сама! А на что она теперь будет жить? Родители у нее тоже совсем не шикают. Им самим бы кто помог. Наверное, Сергей ей должен помогать. Но все равно это совсем другое, чем жить вместе с мужем. А может быть, она на меня каким-либо образом рассчитывает? Нет, это вряд ли. Говорили, конечно, о любви. Но ничего конкретного ведь не обсуждали. Хотя как знать, что она там себе думает».

– О чем ты все думаешь? – спросила Лена, пытливо глядя ему в глаза.

– О том, как ты прекрасна, – ответил Валерий и добавил: – Давай спать. Уже поздно.

Они никогда не спали вместе целую ночь, но всегда мечтали об этом. Тем удивительнее было Валерию услышать:

– Нет-нет, дорогой. Я хотела бы сегодня выспаться и как следует отдохнуть. Ты поезжай к себе.

Валерий неожиданно почувствовал себя обиженным. Его выставляли из дома, а он не мог понять почему. Он отказывался верить своим ушам. К тому же никаких особых дел у него не было. Поздний вечер, пятница, за окном разыгралась осенняя непогода, зачем вставать из теплой постели?

– Я тебе не помешаю, – сказал он.

– Нет-нет. Я действительно очень устала. Ты пойми меня правильно. У меня была очень тяжелая неделя. Я совершенно вымоталась. А с тобой, мой дорогой, я всю ночь заснуть не смогу. – И она кокетливо на него посмотрела.

«Бедная ты моя девочка», – подумал Валерий, глядя в ее чистые глаза, и сказал:

– Хорошо, я пойду.

Валерий нехотя встал с кровати и посмотрел на себя в зеркало. Он был среднего роста. Великолепно сложен. Накачаные мышцы. Тело его покрывал средиземноморский загар, который он получил две недели назад на отдыхе в Греции. У него были правильные черты лица. А его характерной особенностью были маленькие усики. Валерию было двадцать пять лет, а он уже многого успел добиться в жизни. Он был подающим большие надежды юристом второй по величине консультационной компании мира.

Валерий всегда легко сходилась и расходился с женщинами. Он не привык обременять себя какими бы то ни было обязательствами. Лена была старше Валерия на несколько лет. Это был его первый опыт общения с женщиной старше себя, и ему это определенно нравилось.

Когда Валерий уже поворачивал ручку входной двери, Лена спросила:

– Завтра у моей подруги день рождения. Она собирает гостей к шести вечера в ресторане «Шале». Пойдем вместе?

– Что ты, я же ее совсем не знаю. Это будет не совсем удобно, – неопределенно ответил Валерий, у которого были совсем другие планы на субботний вечер. К новому формату общения с Леной он явно не был готов.

– Уверю тебя, это будет вполне удобно. Это моя лучшая подруга.

– Давай лучше встретимся на следующей неделе.

– Ну хорошо, давай на следующей.

Валерий вышел из подъезда. Холодный ветер с морозящим дождем ударили ему в лицо. Он сел в машину, повернул ключ зажигания, подумал немного и достал мобильный

телефон. Несмотря на поздний час, он позвонил другу и подтвердил свое присутствие на завтрашней вечеринке с друзьями в одном из популярных в то время ночных клубов Москвы.

Поездка до дому заняла не более десяти минут. Пока Валерий ехал, он думал о Лене. Ему вдруг стало жаль ее. Но чем он мог ей помочь? Разве что дать ей денег? Скажем, две тысячи долларов. Что они для него? Одна поездка в Турцию. А Лене они действительно сейчас нужны. Они будут ей хорошим подспорьем в этой трудной жизни.

«Ведь хороша ложка к обеду», – размышлял Валерий, и от собственной щедрости ему становилось на душе легко и свободно. Надо отметить, что Валерию не было свойственно помогать другим людям, особенно материально. Помочь советом – это еще куда ни шло.

«Да и то, – частенько думал Валерий, – подскажешь человеку что-нибудь, а он возьми да все перепутай, а потом, когда все криво пошло, так он ко мне же с претензиями. И на что это, спрашивается, мне нужно?»

«Но с Леной особый случай, тут можно и деньгами помочь. Только самое главное – не обидеть ее при этом», – размышлял Валерий, сидя в машине перед своим домом. Он посмотрел на часы. Было начало первого.

«Ничего, доброе дело откладывать нельзя!», – решил он для себя и пулей поднялся в свою квартиру. Там он быстро нашел деньги, отсчитал нужную, по его представлениям, сумму в две тысячи долларов и через каких-нибудь пятнадцать минут уже нажимал звонок квартиры Лены.

Она была удивлена его поступком, но деньги приняла. Все мероприятие заняло не более часа, и в половине второго Валерий уже вернулся к себе домой. Засыпал он с чувством исполненного долга.

В восемь часов утра следующего дня Лена проснулась от звонка в дверь. Пришла няня ее детей. Лена встала и долго приводила себя в порядок, используя все приемы современного макияжа.

«Кому угодно могу вскружить голову», – глядя на себя в зеркало, думала Лена. Она была действительно хороша.

Потом Лена отдала последние указания няне. А ровно в девять часов раздался очередной звонок в дверь. На пороге стоял мужчина в черном костюме с очень короткой стрижкой. Он был высокого роста и невероятно широк в плечах. В нем угадывался бывший спортсмен. В руках у него была корзина цветов.

– Елена Павловна, – обратился он официально, протягивая корзину цветов, – это вам. Анатолий Иванович ждет вас. Я провожу вас до машины. Что-нибудь помочь нести?

– Спасибо, Володя, – буднично отвечала Лена, как отвечают хорошо знакомым людям. – Ничего не надо.

Она накинула кашемировое пальто, надела черные лайковые сапоги на высоких каблуках и стала почти одного роста с пришедшим молодым человеком.

На улице ее ожидал бордовый «Бентли». Через час они оказались у загородной гостиницы. Лена вышла из машины и направилась внутрь здания.

Она вошла в номер 13. Человек среднего возраста нетерпеливо поднялся ей навстречу. Он был лысоват, полноват и невысокого роста. На нем был серый костюм и белая рубашка без галстука.

– Наконец-то, Леночка! – быстро проговорил он. – Я совсем тебя заждался. Почему так долго? Что-нибудь случилось?

Вместо ответа Лена обняла Анатолия Ивановича и томно поцеловала его в губы.

Потом она сказала:

– Я не могу больше скитаться по гостиницам.

Анатолий Иванович ответил:

– Лена, мы же обо всем договорились еще две недели назад. Я принял решение. Сегодня вечером я последний раз возвращаюсь к жене.

После их последней встречи прошло около месяца. Валерий неоднократно звонил Лене, но она все время оказывалась занята. С удивлением для себя Валерий обнаружил, что скучает по ней. Как-то раз, просматривая утром светскую хронику, он обратил внимание на короткое сообщение: «Вчера в Москве состоялось венчание Анатолия Ивановича Бурта, известного российского бизнесмена, владеющего контрольным пакетом Объединенной Промышленной Корпорации, и некой Елены Павловны Островской».

Февраль 2008

Александр Воронцов

Однажды дождливым осенним вечером трое мужчин средних лет собрались после удачной охоты у камина. Пока егеря готовили дичь к ужину, усталые охотники разлили по бокалу доброго вина. И днем-то погода была неважной, а теперь под вечер разыгрался ветер, завывания которого слышны были сквозь трубу камина. В окна охотничьей заимки били крупные капли дождя. Как известно, в такое ненастье сидеть в тепле, около камина, и, попивая красное вино, смотреть на всполохи пламени особенно приятно. Наши друзья, переодевшись в сухую одежду, удобно устроились в плетеных креслах. Поначалу обсуждали охоту, но по прошествии некоторого времени разговор коснулся любви. Точнее будет сказать, наши герои начали обмениваться рассказами о своих победах на женском фронте. Никому из рассказчиков не хотелось ударить в грязь лицом, и оттого истории их приобретали особую пикантность. Впрочем, имена и фамилии участниц событий по закону чести оставались в тайне. В основном говорили двое: Анатолий и Игорь, а Василий все больше слушал.

– Что же ты все молчишь, Вася? – спросил его Игорь. – Или рассказать нечего?

– Ваши истории, конечно же, занимательны, – отвечал Василий, – однако ж, Воронцов по этой части каждому из вас сто очков форы даст.

– Что еще за Воронцов? – ухмыльнувшись, поинтересовался статный Игорь и самодовольно провел рукой по копне черных волос. Было заметно, что он не допускал мысли, что кто-то может больше него нравиться женщинам.

– Ну как же, Саша Воронцов... – начал пояснять Василий.

– Подожди, подожди, – перебил его Анатолий. – Это тот, с которым мы вместе в доме отдыха Н. лет десять назад отдыхали?

– Точно.

– Так я его знаю прекрасно, – сказал Анатолий.

– И что скажешь? – спросил Василий.

– Да, это тот еще фрукт! Редкой, надо заметить, энергии человек. Ведь мы тогда приехали в дом отдыха вшестером, помнишь, Вася? Ты, я, Воронцов и три девушки. Хотя, постой, постой, Воронцов ведь приехал туда с молодой женой. Он как раз за месяц до этого второй раз женился. Точно! – Анатолий хлопнул себя по толстой ляжке и засмеялся. – Вспомнил! Представляете? Мы выходим из лифта всей своей компанией. Воронцов, естественно, с нами. А в лифт заходят две другие барышни, довольно, надо признать, симпатичные. Двери за ними закрываются, а мы, между прочим, со своим самоваром. Вот проблема. Но только не для Воронцова! Барышни садятся в лифт, а Воронцов, сославшись на то, что забыл какую-то ерунду в номере, во весь опор несется за ними по лестнице! На каком-то этаже он их нагоняет, стреляет номер телефона и как ни в чем не бывало присоединяется к своей супруге.

– Вот и я говорю, поразительных результатов добивается на этом поприще человек.

– А он и сейчас продолжает в том же темпе выступать?

– Пожалуй, еще активнее стал.

– Не может быть! Откуда же он на все время берет?

– Ну, – развел руками Василий, – как говорится, делу – время, потехе – час.

– А он женат?

– Женат. Двое детей. Но, по меньшей мере, раз в неделю находит причину не ночевать дома. Он ведь врач. Ссылается на ночные дежурства. Мы с ним в одной больнице уж два года как работаем. До этого он работал в больнице Склифосовского, но вынужден был уйти оттуда из-за скандала местного масштаба.

– Все на ту же тему? – спросил Игорь.

– Да, на ту же. Забеременела медсестра. Дело получило огласку и все, знаете ли, такое.

– И как на новом месте, то есть у тебя в больнице, все то же, продолжает свою порочную практику?

– Угмониться никак не может, даже наоборот, еще больше распоясался. Каждую неделю ему новую барышню подавай. А если нет, то особенно нервным становится.

– Вот оно как бывает, – присвистнул Игорь. – Но ведь что удивительно, господа, красавцем он никогда не был! Среднего роста, челочка невнятная. Не понимаю.

– Тут судить очень сложно, – сказал Василий. – Как бы это лучше пояснить? Разве что на примере. Смотрю я недавно фильм по телевизору. Детектив какой-то. Так вот, на экране женщины обсуждают одного из персонажей и говорят, что он очень сексуально притягателен. Я удивился, потому как сам бы так никогда не решил. Тогда я у жены поинтересовался, так ли он притягателен. И что, вы думаете, она мне ответила? Да, говорит, пожалуй, так и есть. Не исключено, что женщинам Воронцов очень красивым представляется.

– По-моему, здесь в другом дело, – продолжил обсуждение Игорь. – Я полагаю, все заключается в его активности. Женщинам это импонирует. Помните историю, имевшую место в доме отдыха Н? За дамами по лестнице бегом – это, знаете ли, я вам скажу, не каждый сможет.

– Возможно и так. Но только есть еще одно обстоятельство, характерное для Воронцова.

– И что же это?

– На примере, наверно, как всегда, лучше будет. Остались мы с ним как-то на дежурстве. Я, разумеется, в своем отделении. Он – в своем. К нам как раз новая сестра на работу определилась. Не так чтобы красавица, но все же довольно привлекательная. После полуночи сидим мы в ординаторской, музыку включили, выпили немного. Сестра, смотрю, на меня, а не на него внимание все больше обращает. Что тут с ним сделалось! Превзошел сам себя, я вам скажу! И шутил, и веселил, и анекдоты рассказывал. Compliments в адрес медсестры сыпались из его уст непрерывно. И самая красивая она, и самая умная. Проявлял недюжинную эрудицию. О литературе говорил, но в меру. А как услужлив был, как предупредителен. Чуть ей жарко стало, тут же окно предложил открыть. Чуть холодно, закрыл.

– Да, это должно оказывать воздействие на женщин.

– Полное впечатление влюбленности создал, короче. Смотрю, медсестра оттаяла под натиском таким, а потом и уступила ему. Стоило мне выйти в туалет, возвращаюсь, а их уж нет, к нему в ординаторскую пошли.

– Вот оно что, – промолвил Анатолий.

– Однако на следующее утро от хороших манер Воронцова в отношении той девушки не осталось и следа. Как подменили человека. Я встретил их в раздевалке на первом этаже. Входя, он чуть было дверью ее не прихлопнул. Взгляд стеклянный стал, в голосе сталь. Никакого внимания на нее не обращал. Даже пальто не подал и ушел не попрощавшись. Она поначалу в недоумении пребывала, а потом слезы на глаза навернулись.

– Может быть, у них там что-нибудь не так пошло?

– Все так. Просто это манера у него такая, я же его хорошо знаю. Пока своего не добился, на все готов, сама любезность и влюбленность. Стоит даме уступить, тут уж все, как подменили его. И потом уж никаких отношений. В случайном разговоре высокомерным тоном говорит. Меня, по правде говоря, такая его манера слегка озадачивает и даже раздражает. А потому я его спросил однажды о причинах такого поведения.

– И что же он тебе ответил?

– Да, собственно говоря, ничего, – сказал Василий. – Ухмыльнулся злобно и сам меня спросил, зачем я лезу не в свое дело. А я все думаю, почему он так себя с женщинами ведет? Может быть, и есть какая-нибудь особенная причина?

– Между прочим, может быть, и есть, – сказал Анатолий. – Я же его с институтской скамьи знаю. Вместе в Первый Мед поступали. На первом курсе Воронцов тихий такой был, застенчивый даже. Девушек стеснялся. Тем не менее не прошло и полугода, как его на себе Людмила Савина женила. Такая красавица была, высокая, стройная. – При воспоминании о Людмиле Анатолий мечтательно посмотрел в потолок и поцокал языком. – Зачем он ей понадобился, ума не приложу. Может быть, она свое материальное положение поправить хотела? Не знаю. Но только на следующий год, на картошке, на глазах у всего потока она закрутила роман с Витькой Савельевым, комсомольским лидером нашего института. Своенравная она была и без тормозов совершенно. А через девять месяцев она родила ему, комсоргу, ребенка. Скандал, конечно, страшный был. Но, что интересно, Воронцов за Людмилой, несмотря ни на что, хвостом ходил, умолял не оставлять его, говорил, что все простит. Я даже слышал обрывок их разговора на лестнице. Так и говорил, как в кино: «Вернись, я все прощу». А она ему отвечает, хохоча: «Мне ты простишь? Мне!? Да ты ничтожество, а не мужчина! После того, что я сделала, настоящий мужчина на меня бы либо плюнул, либо зарезал. А ты? Хвостом за мной ходишь. Тряпка ты, а не мужик. Ты мне благодарен должен быть, что я жила с тобой полгода. Где ты еще такую найдешь? Да на тебя ни одна женщина не посмотрит. Сам-то на себя в зеркало смотрел? Так что это я тебя прощаю, что ты размазней такой оказался!»

– Значит, он с тех пор и доказывает, – резюмировал Василий, – что не размазня он никакая, а мужчина.

– Может, оно и так, – сказал Анатолий.

Тут подоспела дичь, и охотники без промедлений и с аппетитом, какой только и бывает на свежем воздухе, сосредоточились на еде.

Февраль 2008

Целеустремленность

– Кирилл Петрович, Кирилл Петрович, – нараспев говорила полная женщина средних лет, – пора вставать.

Кирилл Петрович открыл глаза и сладко потянулся. Спальня была заполнена мягким светом солнечных лучей, с трудом пробивавшихся сквозь листву молодых лип, обрамлявших дом.

Женщину звали Елена Юрьевна. Она помогала Кириллу Петровичу по хозяйству с тех пор, как тот перебрался жить за город на постоянной основе. Готовила, убирала, стирала. На это уходил весь ее день. Она жила в маленьком домике, находившемся на одной территории с большим хозяйским домом.

Кирилл Петрович происходил из старинного дворянского рода, чудом пережившего, хоть и не без некоторых потерь, русские революции начала двадцатого века. Обошли стороной род Кирилла Петровича и партийные чистки сталинского времени. Встречаются ведь такие семьи, которым все нипочем. Вихри массовых волнений проносятся над их головами, не причиняя им особенного вреда.

В детстве Кирилл Петрович был всегда должным образом одет, обут. Мальчику было обеспечено правильное питание. Но самое главное – в семье было ясное представление о системном подходе к образованию. Каждому году подрастающего мальчугана соответствовали вполне определенные книги из огромной семейной библиотеки. Родители его занимались наукой и изрядно преуспели на этом поприще. Отец Кирилла был академиком.

С юных лет Кирилл проявил недюжинные способности к точным наукам. В то время, как его сверстники играли в солдатики, он играл в цифры. Плюс, минус, корень кубический, порядок такой-то, логарифм, последовательность Коши... А может быть, цифры сами играли в его голове? Кто его разберет? Обучение давалось ему легко и естественно. Школу он окончил с отличием. А когда пришла пора поступать в институт, он долго не мог сделать выбор между физикой и математикой. Потом все же выбрал физику. Кандидатскую он защитил через три года после окончания Московского университета. А еще через три – докторскую. Перед ним открывались блестящие перспективы на поприще науки.

При этом Кирилл никогда не ставил перед собой грандиозных задач в части карьерного роста. Он просто ежедневно занимался тем, что ему нравится – наукой. А от всего лишнего и чуждого ему он мягко дистанцировался.

Потом случилась очередная русская революция, которую поначалу называли странным словом «перестройка». Науку перестали финансировать, и над прекрасным научным будущим Кирилла стустились тяжелые тучи. Но, как это случалось с его предками, к тому времени уже почившими, события, происходившие с Кириллом, чудесным образом повернули минус на плюс. Как-то раз, когда он прогуливался по старому Арбату, ломая голову над тем, какую из двух по наследству принадлежавших ему квартир лучше было бы продать, он случайно встретил своих одноклассников, которые к тому времени сколотили изрядное состояние на масштабной транспортировке углеводородов. Они разговорились. С первых слов им стало понятно, что научная тема, над которой многие годы работал Кирилл, была для них словно «сон в руку». В отличие от Кирилла, его друзья прекрасно разбирались в практических аспектах жизни. В мгновение ока идеи Кирилла были должным образом запатентованы. Углеводороды потекли с удвоенной скоростью. А для Кирилла были решены все материальные вопросы, которые могут вместиться в голову среднего обывателя. Судьба опять проявила благосклонность к благородному роду, позволив Кириллу и далее заниматься своим делом.

Кирилл никогда не отличался чрезмерной общительностью. А уж при встрече с противоположным полом неизменно робел. Вероятно, из-за этого он так и не женился. Со стороны он производил впечатление человека замкнутого и нелюдимого, на самом же деле Кирилл так и не смог избавиться от природной застенчивости.

Он был небольшого роста и сублильного телосложения. В свои тридцать пять он уже изрядно полысел. В довершение ко всему Кирилл немного картавил. А девушки нравились ему рыжие и высокие, и чтоб непременно на высоких каблуках. Надо признать, особой популярностью Кирилл у женщин никогда не пользовался.

Сейчас он лежал в постели и мечтал, как однажды встретит такую девушку. Он думал, какой заботой он окружил бы ее. Его немногочисленные друзья все давно были женаты и имели детей. И это обстоятельство лишь усугубляло его давнее желание покончить с холостяцкой жизнью.

Но Кирилл был устроен таким образом, что если ему чего-то очень сильно хотелось, то это всегда оставалось для него недостижимым. Зная эту свою особенность, он, пытаясь обмануть судьбу, всячески подавлял силу своих сокровенных желаний. Иногда это помогало.

Так и сейчас он подумал: «Да ну их к черту, этих длинноногих красавиц! Мне и так хорошо!»

С этой мыслью он приступил к утреннему туалету. После легкого завтрака Кирилл решил прокатиться на машине. По большому счету в жизни Кирилл придавал значение двум вещам: своей работе и автомобилям. Он подошел к стоящему под летним навесом «Ламборджини» и любовно провел рукой по гладкой поверхности машины.

– Как я сейчас прокачусь! – подумал Кирилл. Он сел в машину. Потрогал руль. С удовольствием вдохнул запах авто и повернул ключ зажигания. К его разочарованию машина строптиво фыркнула и тут же заглохла.

– Вот это номер! – подумал Кирилл. – А какая могла бы быть поездка!

Он на всякий случай попробовал повернуть ключ еще раз. Результат остался неизменным. Машина определенно отказывалась ехать. А Кирилл уже настроился на поездку.

«Делать нечего», – подумал он и с тоской отправился к стоявшему рядом скучного вида «Мерседесу» с удлинненным кузовом. На нем он ездил каждый день с водителем на работу. В нем можно было, вытянув ноги, поспать на заднем сидении, поработать. Но ехать самому за рулем такого чудовища казалось просто нелепым.

«Придется, тем не менее, – думал Кирилл, продвигаясь к «Мерседесу», – не менять же, в самом деле, свои планы».

Немецкая техника оказалась на высоте. И через пять минут Кирилл, выехав на трехполосное шоссе, вдавил педаль акселератора в пол. Спину его приятно прижало к креслу. Проверив возможности автомобиля, он сбросил газ и поехал в расслабленной манере. Была чудесная погода. В машине играла легкая музыка.

Кирилл в который раз в своей жизни думал: «Какое все же гениальное изобретение человечества – автомобиль! Сколько свободы он дает! Захотел – поехал направо, захотел – налево. Захотел – остановился. Даже назад можно поехать! Едешь один. Никто тебя не тревожит. Никто тебе ничего не скажет лишнего. Все-таки с водителем совсем не то».

Кирилл Петрович недолюбливал ездить с водителем, и если бы не чудовищные пробки, во время которых он читал либо спал, то он бы водил машину всегда сам.

«Водитель, как и всякий живой человек, имеет свои особенности, недостатки, – думал он. – С этим уж ничего не поделаешь. Очень сложно найти подходящего. Чтобы и лишнего не сказал. И поддакнул, когда нужно. А некоторые, бывает, не моются толком, запахи неприятные издают. Другие в запой уходят».

За последний год ввиду разных причин Кириллу Петровичу пришлось поменять трех водителей.

Незаметно он въехал в Москву и через проспект Вернадского направился к центру города.

«Прокачусь я, пожалуй, по бульварам», – подумал он, предвкушая приятные минуты своей неутомительной поездки по милой его сердцу части города.

Надежда не любила оставаться на ночь в гостях. Это выбивало ее из тщательно спланированного графика ее жизни. Но сейчас был именно тот случай. Вчера она заснула у Севы в тот самый момент, как решила, что пора вставать и ехать домой. Накопившаяся за неделю смертельная усталость оказалась сильнее.

Надежда работала в маленькой юридической конторе и параллельно напряженно учила английский язык. Без него в жизни – а Надежда ставила перед собой грандиозные задачи – обойтись было невозможно.

Последние три года она проживала в однокомнатной квартирке спального района Москвы Бирюлево. До этого Надежда два года жила с мужем Колей у его родителей в Северном Чертанове. Замуж за Колю Надя вышла в двадцать три года, когда он ненадолго приехал в командировку в небольшой городок на юге России, где прошли ее детство и юность. Тогда целеустремленная Надя решила: «Сейчас или никогда. Или никогда не выбраться отсюда!»

Мужчинам она всегда нравилась. И Коля не оказался исключением. Однако не прошло и года их совместной жизни, как Надежда решила, что хоть Северное Чертаново Москвы и отличается от ее родного города, но все же не настолько, насколько ей того хотелось. Да и Коля оказался отнюдь не самым целеустремленным человеком в этом мире. Больше всего на свете он любил полежать на старом диване. Работой себя особенно не обременял и, казалось, был абсолютно нечувствителен к жизненным достижениям других. Хорошенько поразмыслив, она подала на развод, предварительно детально оговорив все его материальные последствия. В результате Надежда получила небольшую сумму денег, которая, тем не менее, позволила ей сделать первый взнос за квартиру, приобретенную в кредит.

Недавно она, отказывая себе во всем, смогла наконец расплатиться с ипотечным займом. Квартира, пусть и маленькая, пусть на окраине, была теперь ее собственностью. А неделю назад она приобрела в кредит первую в своей жизни машину. Пусть малолитражку! Зато сама. Зато свою. Она привыкла ставить перед собой конкретные задачи и любыми путями добиваться их воплощения. В этом она видела залог своего жизненного успеха.

Надежда встала и длинным коридором профессорской квартиры времен социализма отправилась в душ. Мускулистый красавец Сева спал беспробудно. Во сне он выглядел, как Аполлон. Да и вообще был неплохим парнем. Но Сева работал с ней в одной конторе. А своих коллег Надя всерьез не рассматривала. Уж больно контора была не перспективная. Единственным мужчиной, кто мог бы представлять для нее интерес, был хозяин конторы. Но он был совсем невзрачным. Сейчас Надежда о нем почему-то вспомнила.

«Лысый, маленький и толстый! Бррр...» – она даже фыркнула при воспоминаниях о его домогательствах.

Надежда посмотрела вокруг. Везде были разбросаны пустые бутылки: следы вчерашнего веселья. Взгляд ее упал на мирно спящего Севу, и она подумала: «Нет, это мой Коля номер два. Только с большой квартирой – наследством родителей. Из него самого ничего путного никогда не выйдет! Так и будет свою жизнь прожигать. Не понимаю я этих обеспеченных родителями ребят. То, за что я должна биться в поте лица, им дано с рождения на блюдечке с голубой каемочкой. А они? Бездельничают, бесцельно растрачивая данное им судьбой. А что потом? Пустота, жизненная неудовлетворенность».

Надежда посмотрела на себя в зеркало. Рыжие волосы свободно ниспадали на ее гладкие плечи.

«Нет, я достойна лучшей участи».

Она надела туфли на высоких каблуках и, написав на зеркале губной помадой «Прощай, мой милый», вышла на улицу.

Она шла твердой походкой знающего себе цену человека и думала: «Почему жизнь так устроена? Почему одному все, а другому надо вкалывать, как ломовой лошади? А как хорошо найти мужчину, который бы твердо стоял на ногах и мог защитить меня в этом трудном мире! Пусть даже он не был бы гренадером – красавцем. Пусть! Лишь бы был любящим отцом нашим детям...»

Незаметно она дошла до проезжей части и подняла руку, ловя попутную машину. Первая машина, которая остановилась, была длинным черным «Мерседесом».

– Похоже на машину президента Ельцина, только без кортежа, – подумала Надежда.

Когда Кирилл увидел высокую красивую молодую женщину с поднятой рукой, сердце его учащенно забилось. Ему было нелегко преодолеть свою природную робость, но он собрал в единый кулак все свое мужество и остановился.

Надежда открыла дверь и твердо сказала: «До Бирюлево. Двести пятьдесят рублей».

«С этими водителями надо сразу все оговаривать. А то попадетсЯ хапуга, и начнется потом», – думала Надежда.

От рыжих волос и от зеленых глаз незнакомки Кирилл на время потерял дар речи. Он просто смотрел на Надежду и молчал.

– Так едешь? – нетерпеливо спросила его девушка.

– Да, конечно, поедемте, – наконец произнес Кирилл.

Некоторое время они ехали молча.

Кирилл мучительно думал о том, как бы так непринужденно начать беседу с незнакомкой: «Говорить о погоде – глупо. Спросить напрямую, как ее зовут – как-то бесцеремонно. Вдруг это ей не понравится? Поинтересоваться, куда она едет – но ведь мы с ней еще не знакомы...»

Но тут заговорила Надежда.

– Ты не сделаешь попрохладнее? Жарковато у тебя что-то, – без излишних церемоний распорядилась девушка.

– Конечно, как вам будет удобнее, – и Кирилл растерянно посмотрел на приборную панель.

«Где же, черт возьми, меняется температура в салоне»? Он прекрасно знал, как изменить температуру с места пассажира на заднем сидении. Но с места водителя? Все непривычное всегда сложно. Ему потребовалось какое-то время, чтобы найти соответствующие кнопки. Несколько раз Кирилл ткнул пальцем не туда.

«Какие же бывают бестолковые водители, – глядя на него, думала Надежда, – целыми днями крутит эту баранку и даже толком не может запомнить приборную панель».

– Не привык к этой машине, – сконфуженно пробормотал Кирилл.

– А к какой же машине ты привык, дорогуша? – ухмыльнувшись, спросила его Надежда.

– К своей... то есть к другой... – запинаясь, ответил Кирилл.

– А у тебя есть *своя* машина? – поинтересовалась Надя.

– Ну да.

– И какая же?

– Спортивная.

«Какой смешной водила, – думала Надежда, бесцеремонно разглядывая Кирилла. – Думает произвести на меня впечатление. Спортивная машина у него! При этом баранку крутит на дядю. Замшелые «Жигули», доставшиеся в наследство от отца – вот и вся твоя спортивная машина».

«Что значит отсутствие денег», – думала она, глядя на его непритязательную футболку и потертые джинсы непонятно какой фирмы. Потом взгляд ее упал на торчащую из под панели ногу Кирилла.

«Как можно надевать носки и сандалии одновременно? Просто безвкусица!»

Кирилл, как будто ощущая ее неодобрительный взгляд, плотнее вжался в кресло, а Надежда продолжала думать: «Впечатление на меня произвести хочет! Если бы знал этот мальчик, какой интересной жизнью я живу! В каких странах я уже побывала. И ни разу, подчеркиваю, ни разу не останавливалась в гостинице ниже трех звезд! Но для этого всего надо напряженно работать, а не баранку крутить!»

Какое-то время они ехали молча. Тишину изредка нарушали указания Надежды: «Здесь направо, за следующим светофором налево. Здесь держись в правом ряду, на стрелку поворачивать будем, здесь въезд во двор, у того подъезда останови...».

Машина плавно остановилась около панельного дома. Сидящие на скамейке у подъезда бабки с интересом разглядывали диковинный для этих мест автомобиль. Теперь у них появится новая тема для разговора по меньшей мере на неделю вперед.

– Как договаривались, дорогуша, – Надежда протянула три скомканные бумажки.

– Ну что вы, не надо, я просто хотел вам сделать приятное, – забормотал Кирилл.

– Бери, бери, – Надежда положила деньги на приборную панель, и рука ее потянулась к ручке двери.

– Подождите, пожалуйста, – пролепетал Кирилл.

– Что еще?

– Может быть, сходим вместе куда-нибудь? – рискнул Кирилл в последний момент.

– Куда? – утомленно спросила Надежда.

– В ресторан или на выставку...

На секунду тень сомнения прокралась в душу девушки. Но потом Надежда еще раз посмотрела на смешного водителя и подумала: «Только этого мне еще не хватало. Пустая трата времени».

– Пока, дорогуша, – сказала она снисходительно и захлопнула дверь.

Апрель 2007

Хорошие знакомые

Петр Петрович Сердюков имел обыкновение отходить ко сну поздно, а вставать рано. Такое уж было у него устройство организма. Порой хочет он, бедолага, поспать подольше, а не получается. Точно какая-то неведомая сила разжимает ему веки, заставляет встать с кровати и идти, идти. А куда идти, непонятно.

Так было и в то субботнее утро в начале августа. Накануне Петр Петрович отправился ко сну далеко за полночь. Засиделся, знаете ли, в гостях. С кем не бывает! Есть у Петра Петровича такая манера: сидеть в гостях до последнего. Все уже разойдется, а он ни в какую. Сидит, и все тут. Хозяева начинают зевать и молчат все больше, всячески намекая, что ему давно пора. Но Петр Петрович свое дело знает туго, пока три часа утра не стукнет, из гостей ни шагу.

Так вот, несмотря на это обстоятельство, в то субботнее утро не пробило еще и семи часов, а глаза его открылись и тревожно уставились в потолок. Откровенно говоря, чувство тревоги было свойственно Сердюкову. Оно не покидало его практически ни на минуту, но особенно сильно охватывало в межсезонье. Его беспокоило многое: внезапно вскочивший прыщ на щеке, растрепавшиеся волосы, плохо начищенные ботинки, чрезмерная его полнота. Но мысли о том, что скажут о нем другие, доставляли ему беспокойство сильнее прочих.

Полежав так с полчаса, он встал, накинул халат и начал перемещаться по своей квартире. Заглянул в кладовку, походил по прихожей, заглянул в родительскую спальню. Посмотрел на спящих родителей-пенсионеров, бывших высокопоставленных работников. Потом пошел на кухню и там долго смотрел в окно. Так прошло несколько часов.

«Чем бы мне сегодня заняться? – задался вопросом Сердюков. – А не позвонить ли мне Иванову?»

Сказано – сделано. И вот уже набирает наш Петр Петрович телефонный номер своего друга.

- Как дела, Сереж? – спросил он, услышав знакомый голос.
- Пока еще живы, – отвечал его друг детства. – Как у тебя?
- Все хорошо. Что подельваете? Чем собираетесь заниматься сегодня?
- К нам гости должны на обед приехать.
- Может, и меня пригласите?
- Ну что ж, приезжай. К двум часам.
- Договорились, – отвечал Сердюков.
- Так на тебя рассчитывать?
- Само собой. Скоро буду выдвигаться.

Сердюков никогда не был женат, и у него не было детей. Несмотря на то, что Петру Петровичу недавно перевалило за сорок, он всю жизнь прожил с родителями в их квартире. При этом надо отдать ему должное, он обслуживал себя полностью, или почти полностью, сам, тем самым демонстрируя свою полную от них независимость. Вот и сейчас Петр Петрович приготовил себе завтрак самостоятельно.

Завтрак его состоял из каши, яичницы и ароматного кофе. Покончив со всем этим, Сердюков неторопливо принял душ и побрился. Потом он так же неторопливо оделся и отправился по магазинам. Что говорить! Были у Сердюкова маленькие радости в жизни. К ним, безусловно, относилось посещение магазинов. Любил он зайти сначала в один, затем в другой, а после и в третий, и четвертый магазин и сравнить, скажем, в котором из них рубашки дешевле будут. Поинтересоваться, какие нынче дезодоранты в моде, какие галстуки в ходу.

Поговорить с продавщицами, поспорить с кассиршами. В общем, потолкаться в гуще людской.

Так и в тот погожий августовский день. Солнце палило нещадно. Сердюков же радостно ходил по магазинам, и время летело для него совсем незаметно. Ведь когда занят любимым делом, так оно обычно и бывает.

А между тем у его друга Сергея собрались гости к обеду. Их было немного: сам Сергей, его жена Лена, его друг Игорь, и подруга его жены Нина. Так случилось, что все они знали друг друга, включая Сердюкова, с детства. Всем им было около сорока лет. Теперь они сидели в тени лип рядом с домом Сергея, выпивали, закусывали и вели неспешную беседу.

– Что я вам сейчас расскажу про Сердюкова, – заговорила Нина, – хотя мне, право, неловко немного.

– Брось, тут все свои! – отвечал Сергей, предвкушая забавную историю.

– Ну, ладно. Слушайте, – быстро дала себя уговорить Нина. – Звоню я недавно Петру Захаровичу Сердюкову.

– Отцу нашего общего друга? – уточнил Игорь.

– Да-да, – торопливо продолжала Нина. – Мы же все друг друга с детства знаем. Так вот, он мне и говорит: «С тех пор, как вы с Петей расстались, он у меня вызывает все большую тревогу». А я спрашиваю: «Это вы в каком смысле?». На что он мне отвечает: «В том самом, Ниночка, в том самом. За его душевное состояние беспокоюсь. Совсем у него с головой что-то неважно стало. Особенно в последнее время, когда он с этой мадам из Егорьевска связался. Инна ее, кажется, зовут.»

– Так она мне сегодня уже три раза звонила, – включилась в разговор жена Сергея. – Нет ли у нас Петра, все интересуется. Как она его в оборот взяла! Познакомились месяц назад, а на сентябрь уже свадьба намечена!

– Какая свадьба! Бросьте, господа, проходили уже, – заговорил Игорь. – Сердюков никогда не женится. В последний момент все расстроится.

– Это понятно, понятно, – продолжала Нина, – но ей-то, ей-то это зачем надо?

– Это с какой стороны посмотреть. Она из Егорьевска, волевая, приятной наружности, self-made woman. При всем при том не сильно образована. Слово «гильотина», кстати, не знала, как мне тут недавно рассказали добрые люди. Однако свой кирпичный заводик в Тверской области, между прочим, имеется. Но... не замужем. Ей, по скудости ума, и кажется, что все, что ей в жизни не достает, так это обвенчаться с каким-нибудь солидным мужичком.

Тут необходимо будет признать, что Игорь сам давно мечтал о маленьком то ли свечном, то ли кирпичном заводике. И все, кто уже имел нечто подобное, вызывали у него чувство глубокой неприязни. А обуреваемый неприязнью, Игорь становился особенно язвительным.

– А тут как раз наш Сердюков, – продолжал он. – Импозантный. Всегда в костюме и в галстук. Заморочил ей голову своими рассказами о собственной значимости и исключительности. Вице-президент он, и все там, знаете ли, такое. А о том, что таких вице-президентов в конторе, где он служит, человек пятьдесят, а то и все сто наберется, он, по понятным причинам, умалчивает.

– Ну а ему это для чего?

– Слышали, что родной папа говорит: «Крыша, мол, совсем прохудилась». Мужчину-вампа увидел в себе человек неожиданно. Так-то! – И Игорь притворно вздохнул.

– Бред какой-то, – сказал Сергей. – Он ведь на любовном фронте особенными победами никогда не отличался!

– То-то и оно, – захохотал Игорь.

– Какие вы противные, мальчики, – добродушно сказала жена Сергея.

– Да, – продолжала Нина свое повествование, – беспокоится за него отец. И, как мы видим, не напрасно. Он мне даже говорил, что его на какое-то время в клинику в Швейцарии поместить было бы не лишним. Он знает в тех краях одну надежную. А там уж, как он говорит, разберутся. А то, если за такую бой-бабу замуж... тьфу ты, то есть, если он на такой женится, то совсем с катушек съехать может.

– Это, господа, определено.

– А что сам Сердюков-то, сегодня будет? – поинтересовался Игорь.

– Он звонил с утра, я его пригласил, – отвечал Сергей.

– И к которому часу? – любопытствовал Игорь.

– К двум, как всех.

Игорь посмотрел на часы, было половина четвертого.

– Наверное, часам к шести подтянется? – высказал он свое предположение.

– Я ему сейчас позвоню, – сказала Лена, беря трубку телефона.

– Чем доставишь ему неопишное удовольствие, – прокомментировал Сергей.

– В каком смысле?

– Он тебе скажет, что сильно занят по работе. Наверняка прилетит, что его срочно туда вызвали.

– А сам, наверное, либо душ третий раз на день принимает, либо по магазинам таскается, – добавил Игорь.

– Я все-таки позвоню.

Когда раздался звонок мобильного телефона, Сердюков неторопливо выходил из очередного магазина.

– Слушаю, – важно сказал он в трубку.

...

– А, это ты, Лена?

...

– Я сейчас очень занят на работе, неожиданно вызвали.

...

– К вам в гости? На обед?

...

– Сергей меня приглашал?

...

– Да-да. Теперь припоминаю. Обязательно приеду. Закончу дела и приеду.

Поговорив по телефону, Сердюков, никуда не торопясь, посетил еще несколько магазинов и отправился домой. Дома он долго принимал душ, а потом, благоухая маслами и дезодорантами, обвязанный на поясе полотенцем, вышел из ванной комнаты. Тело его было рыхлым, с массивным животом. Распаренная кожа была бледно-розового цвета. Проходя по коридору, он, как Нарцисс у прозрачного источника, очарованный красотой собственного отражения, надолго застыл перед большим зеркалом.

Потом он поинтересовался у тут же чистящей ботинки домработницы: «Ну что, Клава. Как я тебе? Нравлюсь?». Не дождавись ответа от онемевшей от удивления женщины, он царственно удалился к себе в комнату и начал одеваться.

Что говорить, были, были у славного Сердюкова свои небольшие радости в этой простой жизни. Вот и теперь он испытывал настоящее блаженство при мысли о том, что его ждут, а он, человек высокого полета, занятый важными делами, никак не может приехать к оговоренному времени. От этой мысли блаженство разливалось по всему его телу, заполняя все его клеточки до единой. В такие минуты Сердюков весело насвистывал, глядя куда-то вдаль, за горизонт суеты мирской.

Когда Петр Петрович добрался до дома Сергея, было около семи часов вечера.

– Ну, как дела?

– Да вот, прямо с работы приехал.

– А зачем ты туда ездил в субботу? – спросил Игорь, иронично улыбаясь.

– Вызывали, важный вопрос надо было решить, – нахмурившись, отвечал Сердюков. –

И веселого здесь, между прочим, ничего нет.

– Это кто же тебя вызывал в субботу? – не унимался Игорь.

– Симановский, по телевизору, наверное, видели такого? – с ноткой раздражения отвечал Петр Петрович.

Раздался звонок мобильного телефона Лены.

– А, это ты, Инна.

– Меня нет, – неожиданно громко, так, чтобы непременно было слышно в телефонной трубке, сказал Сердюков.

– Его нет у нас, Инна.

...

– Пока.

После того, как телефонный разговор был окончен, Сердюков сказал: «Не знаю, как дальше быть. Спасайте меня».

– А в чем дело? – спросил Игорь.

– Дачу я на три месяца вперед оплатил. А теперь куда мне деваться?

– А что такое?

– Так она там освоилась полностью и съезжать не хочет. Сынишку своего привезла. А я теперь вынужден в Москве летом париться.

– А я слышал, что вы дачу пополам оплатили.

– Ну какое, какое это имеет значение? Ну пополам, что с того? – нервно говорил Сердюков.

– Это на той даче, где мы с тобой и с моей дочерью жили? – ехидно спросила Нина.

– Ну к чему, к чему теперь эти скрытые упреки? Да, я виноват! – говорил Сердюков и для большей убедительности временами опрокидывал рюмку коньяка, так что ему только успевали наливать новую. – Она меня одурманила, что ли? Не знаю. Но я готов все исправить, Нина. Отец может устроить меня в Австрию в торгпредство. Поедем? Возьмем с собой твою дочь, Вику? А? Как ты думаешь?

– Я даже не знаю. Все это звучит так неожиданно, – растерянно отвечала Нина.

– Да что тут, собственно говоря, неожиданного? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. К тебе и к Вике. Она мне как родная ведь!

– А откуда же тогда эта тетка взялась?

– Так ты же сама, вы же сами с Викой уехали. Что я мог? Что я мог!

– Допустим, мы уехали, потому, что ты стал совершенно невыносим... – начала было Нина.

– Ах, зачем об этом сейчас? Какое все это теперь имеет значение! Едем в Австрию. Дочь твою определим в Венский университет. И все. И точка!

– А на какие это все деньги? – спросила Нина. Все знали, что у Петра Петровича с деньгами дела обстояли неважнецки.

– Да что деньги? – С этими словами Сердюков достал пухлый бумажник и извлек из него большое количество мелких купюр. – Деньги не проблема!

– Однако, мне пора, – сказал Игорь. – Смеркается уже, да и прохладно что-то.

После того как он уехал, оставшиеся долго обсуждали перспективы воссоединения Нины, ее дочери и Сердюкова и обустройство их совместной жизни в Австрии. Сошлись на том, что откладывать с поездкой не надо и начиная с понедельника можно приступать

к оформлению документов. Все было решено. Они до того увлеклись беседой, что не заметили, как начало светать. Ввиду чего решено было гостям заночевать у хозяев.

Поутру за завтраком Сердюков находился в великолепном расположении духа. Он что-то без конца насвистывал и все время смотрел куда-то вдаль.

– Надо бы позвонить дочери и родителям, – сказала Нина.

– Это еще зачем? – спросил Сердюков.

– Рассказать им обо всем. Все-таки скоро надолго расстанемся с ними.

– Ну, пока еще рано об этом говорить, – как бы между прочим заявил Сердюков.

– Как же рано, если мы собираемся документы на оформление в понедельник подавать? – удивилась Нина.

– Ну что, прямо вот так сразу бежать, что ли? Документы подавать, да? – с ноткой утомления спросил Сердюков, что-то разглядывая вдаль.

– Что-то я не понимаю, – раздраженно сказала Нина.

А хозяева с интересом наблюдали за развитием событий.

– Да нечего тут особенно и понимать, – весело посвистывая, говорил Сердюков. – Просто рановато еще. Мне сегодня еще на дачу заехать надо. Потом, потом поговорим.

– Ну, знаешь ли... – Нина бросила салфетку на стол и, сердито глядя перед собой, пошла к своей машине.

А Сердюков после ее отъезда особенно оживился, много шутил, рассказывал анекдот за анекдотом и, весело насвистывая, все смотрел куда-то вдаль. Потом забеспокоился и, сославшись на неотложные дела, стал собираться.

– Какие дела в воскресенье? Время движется к обеду. Оставайся! Закусим, выпьем... – заговорил Сергей, которому явно остро требовался собутыльник.

– Нет-нет. Хватит уже. Дела, знаешь ли, дела. Да и на дачу надо заехать.

– К Инне, что ли, собрался? – спросила Лена.

– Ну почему сразу к Инне? – недовольно забормотал Сердюков. – На дачу к себе я могу съездить? Я за нее, между прочим, деньги заплатил.

– Вот оно что. Тогда, конечно, другое дело, – улыбнулся Сергей, и они расстались.

Вечером того же дня в московской квартире Нины раздался звонок. К телефону подошла ее мать, Анна Васильевна.

После чего имел место следующий разговор:

– Здравствуйте, Анна Васильевна.

– Здравствуй, Петя.

– Как ваше здоровье?

– Спасибо Петя, не жалуюсь. Как здоровье твоих родителей? Давно мы их не видели. А ведь когда-то были очень дружны. Что делают годы.

– Спасибо, Анна Васильевна, все в порядке. А Нина дома? – деловито спросил Сердюков.

– Ниночка? Как же. Сейчас позову.

Когда в трубке послышалось недовольное Нинино «Да?», на нее обрушился словесный поток: «Нина! Как ты? Как Вика? Приезжайте ко мне на дачу! Мне грустно без вас. Почему ты уехала так скоро? Не попрощавшись? Что случилось?»

– А ты сам подумай, что случилось.

– Я понимаю, может быть, я в чем-то был не прав. Но нельзя же вот так, сразу.

– А как можно?

– Не знаю. Я в полном смятении. Приезжайте.

– А потом ты опять выкинешь какой-нибудь из своих номеров?

– Из каких номеров? Что ты имеешь в виду?

- Ах, ты не понимаешь? Тогда я вешаю трубку.
- Нет, не надо. Я все понял. Никаких больше номеров. Обещаю. Только приезжайте.
- Обещаешь? – Голос Нины зазвучал немного мягче.
- Да, да! Только приезжайте! Мне так тяжело!
- Сейчас уже поздно. Вике надо выспаться. Завтра, может быть, – неуверенно говорила Нина.

– Нет, сейчас! Молю! Я задыхаюсь без вас. Не можешь с Викой, тогда приезжай одна! Я оплачу такси.

- Ну ладно, если обещаешь, что больше никаких выкрутасов...
- Обещаю.
- Жди.

Нина положила трубку и пошла собираться.

Сердюков тоже положил трубку и, обернувшись к Инне, грозно сказал: «Сейчас придет Нина с дочерью. Они тебе покажут!»

Инна была крупная женщина, и ей не стоило большого труда отобрать у не особенно сопротивлявшегося Петра Петровича трубку телефона и нажать на кнопку повтора последнего вызова.

– Алло? – прозвучал голос Анны Васильевны.

– Мне Нину, – мрачно проворчала в трубку Инна.

– Тебя какая-то невоспитанная женщина спрашивает, – протягивая трубку дочери, сказала Анна Васильевна, не привыкшая к такому обращению.

– Алло, – сказала Нина.

– Это я-то некультурная! – заорала в трубку Инна. – Культурные, понимаешь, какие! Ну я тебе устрою! Я тебе покажу И дочурке твоей тоже! Родная мама не узнает!

– Да вы кто? – недоумевая, спросила Нина.

– О, они не знают, кто я! Они не знают?! Узнаешь, потаскуха такая, как только на дачу приедешь, сразу все узнаешь! Такси он ей оплатит! Кавалер какой нашелся! – орала в трубку Инна.

У Нины от мысли, какой опасности она могла себя подвергнуть, поехав на дачу, затряслись руки, и она выронила трубку, которую подобрала стоявшая рядом Анна Васильевна. Из трубки на нее лились потоки площадной брани. Потом все стихло, и послышались короткие гудки.

Мать с дочерью переглянулись между собой. Через час снова зазвонил телефон.

– Алло, – невозмутимо сказала Анна Васильевна, женщина старой партийной закалки.

– Анна Васильевна, а Нина уже выехала? – раздался заметно повеселевший голос Сердюкова.

– Куда еще выехала, Петя?

– Ко мне на дачу, конечно же! – ухмыляясь, сказал Сердюков. – Я ее заждался уже. Она что, поскорее не может? – После этого в трубке раздалось веселое посвистывание.

– Ты, Петя, по-моему, забываешься. Моя дочь никуда не поедет.

– Ну ладно, Анна Васильевна, вы тоже не забывайте. С вице-президентом все-таки разговариваете. Мы с Ниной сами как-нибудь разберемся, – заносчиво сказал Сердюков.

– Я, Петя, тебя еще в коляске видела, что б ты знал. А ты мне грубишь. Какой ты вице, мы знаем. Таких тысячи ходят. Завтра дали пинка под зад, и полетел. Не видать, где и приземлился. А я вот сейчас твоему папе позвоню. Расскажу ему все по порядку, что и как. Не думаю, чтобы ему все это очень понравилось.

При упоминании папы Петр Петрович заметно побледнел и начал, как нашкодивший школьник, нервно переминаться с ноги на ногу. Взгляд его потупился и уж более не стре-

мился за линию горизонта. Насвистывания тоже прекратились. Настроение было безнадежно испорчено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.